

Ковальская М. С.

кандидат исторических наук,

*доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова*

ИСТОРИЯ КАК ПРИЗРАК: РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ В ЭПОХУ РОМАНТИЗМА

Аннотация. В статье анализируются характерные черты теоретико-методологических воззрений историков периода романтизма. Внимание фокусируется на нестандартности подходов и методов, отличных от предыдущих эпох. Автор подчеркивает специфику видения историками-романтиками ушедшего прошлого, предлагает концептуальное определение романтической истории как «призрака».

Ключевые слова: романтизм, теория истории, методология, интуиция, мировосприятие, прошлое, XIX век

«Живей, Вольтер! Смелей, Руссо!
Бушуй, бумажная гроза!
Вернется по ветру песок,
Что нам швыряете в глаза.»
Уильям Блейк (ок. 1800 г.)

Период романтизма является одним из наиболее противоречивых и ярких периодов развития теории и методологии истории, а также попыткой преодолеть один из серьёзнейших кризисов мировосприятия в Европе. Решения важнейших вопросов, найденные в своё время романтиками, заложили основу для дальнейшего формирования исторической мысли; они оказались настолько фундаментальными, что в результате само XIX столетие стало называться Веком истории.

В статье использовались исторические работы интеллектуалов эпохи раннего и позднего романтизма: Т. Карлейля, У. Йейтса, Ф. Шатобриана, Дж. Морли, Ж. Мишле и др. О романтизме в целом писали Б. Кроче, Б. Г. Рейзов, Ф. Тилли, А. Чамеев, отдельные аспекты освещали С. Ю. Павлова, А. Попова, И. Боровская, С. В. Рудакова, Ю. П. Зарецкий. Безусловно, невозможно охватить весь спектр имеющейся литературы о романтизме вообще и отдельных его проявлениях в частности. Представление об изученности темы может дать хотя бы факт, что на сегодняшний день существует более одиннадцати тысяч определений понятия «романтизм» [14, с. 65], но это не останавливает исследователей в их попытке уточнить и конкретизировать знание в соответствии с современным видением.

Романтизм как феномен возник как противопоставление Просвещению, как его историческая альтернатива, но вместе с тем и базировался частично на предыдущих идеях и представлениях. Теоретические построения начала XIX века заимствовали большинство своих идей века предыдущего, отличавшегося верой в прогресс, возможность рационального познания мира, оптимизмом и неистощимой энергией мыслителей. Среди подобных заимствований можно назвать, например, идею историзма, то есть историческое мышление категориями сменности эпох, когда каждая последующая эпоха отличается от предыдущей и последующей. Век Просвещения пытался конкретизировать знание, рационализировать его. В этот период доминировало представление о том, что эмоции и их проявление — это отход от истины. Чувства и эмоции отдельно взятого человека следовало подавлять и строго контролировать, приоритет принадлежал социальной необходимости. Просветители верили прежде всего в Разум, резон, в то, что нужды общества стоят превыше нужд любого индивидуума.

Разочарование в идеалах Французской революции 1789 года, отвращение к существующей реальности, общий эмоциональный спад привели к обратному творческому эффекту среди мыслящей элиты. Это обстоятельство и породило такой феномен, как историческое мышление периода романтизма. Это можно назвать реакцией на «тревожную, сумрачную, гнетущую атмосферу эпохи» [17, с. 5].

В это же время во Франции в среде контрреволюционных критиков Просвещения появляется слово «индивидуализм» [2, с. 159], будущее ключевое для понимания эпохи романтизма слово (например, историк литературы, профессор И. И. Замотин обрисовывал эпоху романтизма тремя понятиями: индивидуализм, национализм, универсализм). Сам термин «романтизм» был предложен немецкими философами-романтиками, пионерами нового идейно-художественного направления мысли [1, с. 176].

Какими же нашли себя европейцы на пороге девятнадцатого столетия? Прежде всего, дезориентированными. Ожидания нового, лучшего,

более красивого во всех отношениях мира, который должна была принести с собой революция, не оправдались. Наоборот, революционные события и их результаты доказали, казалось бы, ошибочность избранного рационального пути. Западная Европа переживала сильнейший кризис, сравнимый по его интенсивности с кризисом современного Homo Postmodernum, живущего в глобализованном мире. «Мы разочарованы и неудовлетворены; экономически, политически, социально, морально, религиозно и интеллектуально разочарованы; наши философские позиции отражают смятение наших душ... Мы устали от старых систем, идеалистических и материалистических, рационалистических и эмпирических, от устаревших аргументов, устаревших методов, устаревших категорий, логики, терминологии, — мы устали и сыты по горло всем этим» [20, р. 114].

Просвещение — это порядок и логика; романтизм — воображение, эмоция и интуиция, доминирующие над рациональным началом. Именно таковым был ответ романтиков на системный кризис мировосприятия. Они погрузились в изучение духовной жизни держав и народов, а также стремились изучить неосоздаемое бытие человечества путём достаточно артистичного по своей сути «вживания» в исторический образ. Требование прочувствовать былое для того, чтобы по-настоящему понять его, — это одно из основных методологических правил романтического историописания. Например, к ощущению и интуиции как способу постижения «духа» той или иной исторической эпохи или реальности призывал О. Тьерри. «...Стоит только прийти человеку, способному настроиться на нужную волну, поймать нужный ритм и правильно выбрать точку отсчета — и ветви брызнут зеленью из-под сухой земли в изобилии удивительном и пышном» [3; 21, р. 234], — писал У. Б. Йейтс. Прошлое необходимо отделить от покрывшего его слоя. Мысль о том, что классическая, традиционная история эпохи модерна является «скучной и обманчивой», одним из первых высказал И. Г. Гердер [16, с. 214]. Шотландский историк Т. Карлейль утверждал: «Мы никогда не заглянем в действительное сердце какого бы то ни было предмета, пока будем заниматься одними только обманами, наслоившимися на нем» [4, с. 10]. К постижению истины призывал и Ж. Мишле, описывавший обезображенный монумент, который нужно отскоблить от грязи и мха (задача историка), и под ним обнаружится алтарь [10, с. 84].

В попытке обоснования своих идей историки обращаются не к логике, а к опыту прошлого или традициям, а также противопоставляют себя достижениям науки XVIII века (с этой точки зрения

даже К. Маркса иногда причисляют к романтикам) [5, с. 161]. Идеалы предыдущего столетия, его подчёркнутая фокусировка на общественно-политических проблемах, постепенно отходят в прошлое. Отдельно взятые историки и мыслители эпохи романтизма, безусловно, выражали свои политические взгляды в создаваемых текстах, однако сам по себе романтизм, как феномен, аполитичен [13, с. 528-531].

Романтики редко открыто критиковали методологию эпохи Просвещения, с их стороны наблюдалась не дискуссия, а молчаливый отход от классического рационализма. При этом романтизм позиционирует себя не в качестве противоположности разума, а как пробуждение его неиспользованных ранее интуитивных возможностей. Безусловно, эту традицию заложил и развил не кто иной, как Г. В. Ф. Гегель с его учением о Духе и Абсолюте.

Новое чувственное знание открыло путь к пониманию сущности исследуемого, менее важной становится форма. Нестандартным должен быть не предмет исследования, как это принято сегодня в постмодернистской науке, а объект. Национальная история рассматривается как часть всемирной истории, это можно проследить и в более поздних влияниях у позитивистов, например, у Джона Морли (1838-1923): «Факел, что освещает путь любой отдельно взятой нации, получает свой воспламеняющий огонь из центральной линии путеводных звёзд, которые очерчивают границы уходящего вперёд жизненного пути человечества» [19, р. 42].

Происходит очередная активизация запущенного ещё в Древнем мире процесса, который можно назвать литературизацией истории, а именно, резкое усиление требований к стилистике исторических трудов. «Роман — это есть история в свободной форме, как бы мифология истории» [7, с. 7]; идеалы литературного творчества в период романтизма переносились на историческое восприятие, возможно, наиболее заметным образом за всё время развития теории и методологии истории. Например, весьма ощутимо могла нарушаться целостность описания и критики исторических событий, факты изымались из текста, если это противоречило вырисовывающейся стройной картине.

Историки-романтики можно разделить на две условные историографические линии, сильно отличающиеся по своим решениям основных теоретико-методологических проблем. Во-первых, консервативную — более пессимистичную по своему тону, состоящую из историков и мыслителей, ностальгирующих за средневековьем, монархической традицией и поддерживающих идею о роли

выдающихся личностей в истории, например, Томас Карлейль. Во-вторых, либеральную — более оптимистичную и духовно приближенную к идеалам эпохи Просвещения; либеральные историки-романтики в большинстве своём поддерживают идею о решающей роли масс в истории, описывают «душу народа», ищут коллективное бессознательное в истории, например, Жак Огюстен Тьерри или создатель первой серьёзной научной апологии французской революции 1789 г. Франсуа Огюст Минье [8].

Б. Кроче выделил две формы исторического изложения, наиболее популярные в эпоху романтизма: ностальгическую и реставрационную [5, с. 160]. Историками-романтиками активно исследуется история отдельных народов, погибших или ассимилированных цивилизаций, происходит сбор материала (с самоцелью именно материала), возрождается интерес к фольклору. Так же, как деятели эпохи Возрождения пытались возродить к жизни угасшую греко-римскую культуру, так и романтики нашли свой уникальный объект для подобного исторического «оживления» — неклассическую древность, преимущественно европейские варварские народы [6] (так, например, появляется разделение исследователей-рёмлингов и тевтономанов). Формируется представление об историке-собирателе и историческом исследовании как о миссии, которую необходимо исполнять: «мы, кто будит древнюю традицию народного воображения, — оживляя ли старые песни, собирая ли из старых сказок книги» [3; 21, р. 234].

Историки эпохи романтизма привлекало нечто давно забытое, извлечённое на свет словно из могилы времён, разбуженное, оживлённое, иными словами, *призрачное*. Они испытывают ностальгию и поэтизируют прошлое, которое хотят восстановить. «Человеческий дух хранит бранные останки истории, пустые хроники, собирает следы ушедшей жизни, документы и пытается реставрировать их. С какой целью воля стремится сохранить пустое и мертвое?» [6, с. 93] Для историка-исследователя естественным считается желание воссоздать реальность, которая существовала когда-то, в её идеальном состоянии и полноте, для того, чтобы представить эту реальность в настоящем времени, словно перенести её в настоящее. Каким же образом историки эпохи романтизма решали эту проблему? «Если руины и привлекали романтиков «утончённым садизмом», как саркастически заметил Ортега-и-Гассет, то применительно к историкам это вовсе не означает, что они «жили в прошлом». Романтики стремились не вернуться в ушедшее прошлое, а пережить и переосмыслить прошлое в настоящем» [15]. Здесь следует уточнить, о каких именно романтиках

может идти речь. Романтики-консерваторы предпочитали не переносить реальность в сегодняшний день, а самим переноситься в прошлое, где «такое счастье было жить» [9, с. 53], отказываясь от современной им эпохи как грубого, жестокого, чрезмерно материализованного мира. Романтики-либералы, как верно отметили И. М. Савельева и А. В. Полетаев, переносили историю в настоящее, пытались актуализировать её.

В сочинениях эпохи романтизма исследуемое — это то, к чему следует вернуться, а история — это призрак, то есть отдельно взятая часть существовавшей реальности, которая снова перенесена в бытие и способна к развитию. История-призрак, реальность, возникающая из теней прошлого; история-фантом.

Исследователь прошлого переживает ситуацию встречи с неведомым; он либо сам находится в атмосфере тайны и благоговения, либо пытается создать подобное ощущение в читателе создаваемого им текста.

Это можно назвать одной из наиболее характерных черт исторической литературы эпохи романтизма. Таинственным и загадочным, неуловимым является объект исследования и изучаемые его стороны, вообще история человечества и даже само понятие времени. В работах первой половины XIX века время и история — понятия разные, но согласующиеся. «...Великая тайна времени, не представляет ли она... чуда? Безграничное, молчаливое, никогда не знающее покоя, это так называемое время. Катящееся, устремляющееся, быстрое, молчаливое, как все уносящий прилив океана, в котором мы и вся вселенная мелькаем, подобно испарениям, тени, появляясь и исчезая, — оно навсегда останется в буквальном смысле чудом... Этот громадный, беспредельный вихрь силы, объёмлющий нас здесь; вихрь, никогда не стихающий, столь же высоко вздымающийся, как сама необъятность, столь же вековечный, как сама вечность» [4, с. 14]. Логика романтиков понятна: если время необъятно и трансцендентно, теоретически может быть пустым, то история, как его «очеловеченная» часть, вполне поддаётся постижению и всегда заполнена содержанием — историческими процессами, изменениями, развитием. Всё, наличествующее в истории, поддаётся восстановлению, а память об ушедшем времени просто реанимирует происходившее.

Таким образом, время — это не только разрушительная сила, это ещё и общий фон для переносов одной исторической реальности в другую, где будут существовать настоящее (существующая, непосредственно данная реальность) и фантомное (призрачная реальность, воссозданная из теней, взятая из забытья).

В этом ключе творчество романтиков представляет собой попытку преодоления смерти как конечности индивидуального и коллективного бытия.

Обратимся к одному из наиболее заметных произведений переходной эпохи — мемуарам Франсуа-Рене де Шатобриана (1768-1848) под говорящим названием «Замогильные записки». Много томный труд создавался в 1814-1841 гг. и содержит воспоминания об ушедшей эпохе Просвещения, наполеоновских войнах, двух французских революциях, о наблюдаемых автором событиях, а также его личные рассуждения о политике, времени, морали, смерти и истории. Его представление о получении знаний о прошлом достаточно характерны для интеллектуала эпохи романтизма — это «голоса, воззвавшие из могил» [18, с. 165]. Историю он мыслит прежде всего как результат действий человека; из подобной точки зрения логично вытекает идея о том, что история — это то воспоминание, которое осталось о человеке и его деятельности. По мнению Шатобриана, человек является творцом, в его власти преодолеть смерть посредством высокого творчества [11, с. 39], словно оставлять свой дух в истории. «Шатобриан берёт на себя функцию хранителя памяти об ушедших. Называя их имена, он будто бы совершает некий магический ритуал если не воскрешения, то сохранения, продления» [12, с. 133], — писала исследователь А. Попова.

Насколько удалось романтикам «воскресить» и «продлить» прошлое, известно по тому, каким обширной и глубокой оказалась новая мировоззренческая система. Каждый мыслитель и историк представлял свой уникальный вариант решения важнейших вопросов. Кровавая французская революция 1789 г. и последующие наполеоновские войны заставили европейцев пересмотреть своё отношение к проблеме жизни и смерти, изменить видение исторического пути Европы и правил развития общества. Историки-романтики пришли к выводу о том, что в динамику жизни и смерти неразрывно вписана история человечества, а воспоминание о том, что было, находится где-то в пограничных областях этих двух конечных точек. Историю как призрак (оживлённую реальность прошлого) воспринимали в основном представители консервативного романтического направления. Она пугала, рождала благоговение, оставалась во многом непостижимой и загадочной, можно даже заключить — иррациональной по своей сути. Призрачность истории заключалась в восприятии прошлого как полузабвения, полужизни. Это привело к использованию характерного для эпохи романтизма стиля, с упоминанием вечности, теней, древности, тьмы веков, замогильных голосов и т. д.

Романтическая картина мира фрагментарна, её необходимо было домысливать с помощью чувств. Душевное состояние автора напрямую влияло на его интерпретацию происходившего в прошлом, причём как бессознательно, так и сознательно. Можно даже заключить, что именно в эпоху романтизма впервые по-настоящему формируется исследовательская рефлексия современного типа. Эпоха романтизма создала принципиально новый метод познания, основанный на синтезе рациональных представлений и интуитивно-эмоциональном восприятии окружающего мира.

Литература:

1. Боровська І. Вплив ідей романтизму на історичну концепцію Томаса Карлейля (1795-1881) / Інна Боровська [Текст] // Україна-Європа-Світ ; Зб. наук. праць. — 2013. — Вип. 11. — С. 176-179.
2. Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография / Юрий Петрович Зарецкий [Текст]. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 384 с.
3. Йейтс У. Б. Кельтские сумерки / Уильям Батлер Йейтс [Электронный ресурс]. — Код доступа: http://modernlib.ru/books/yeys_uilyam_batler/keltskie_sumerki/read/ (22.11.2015)
4. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Томас Карлейль [Текст]. — М.: Эксмо, 2008. — 864 с.
5. Кроче Б. Теория и история историографии / Бенедетто Кроче [Текст]. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 192 с.
6. Кроче Б. Теория истории / Бенедетто Кроче [Текст] // Кроче Б. Антология сочинений по философии. — С. 89-122.
7. Курдина Ж., Модина Г. История зарубежной литературы XIX века. Романтизм : Учебное пособие / Жанна Курдина, Галина Модина [Текст]. — М.: Наука, Флинта, 2010. — 208 с.
8. Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. / Франсуа Минье [Текст]. — М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2006. — 548 с.
9. Мишле Ж. История XIX века / Жюль Мишле [Текст]. — В 3-х т. — Т. 1. — СПб: Ф. С. Сушинский, 1883. — 361 с.
10. Мишле Ж. Народ / Жюль Мишле [Текст]. — М.: Наука, 1965. — 207 с.
11. Павлова С. Ю. «Я храбро сойду в вечность» / С. Ю. Павлова [Текст] // Известия Саратовского университета. — 2008. — Т. 8. — Вып. 2. — С. 37-40.
12. Попова А. Тема старости и смерти в «Замогильных записках» Ф.-Р. де Шатобриана / Анна Попова [Текст] // Вопросы литературоведения (Питання літературознавства). — 2009. — Вып. 80. — С. 128-136.
13. Реизов Б. Г. Французская романтическая историография, 1815-1830 / Борис Георгиевич Реизов [Текст]. — Ленинград: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1956. — 536 с.
14. Рудакова С. В. К проблеме изучения романтизма / Светлана Викторовна Рудакова [Текст] // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». — 2013. — Вип. 2(6). — С. 65-69.
15. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков / Ирина Максимовна Савельева, Андрей Владимирович Полетаев : Препринт, WP6/2003/06 [Электронный ресурс]. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 52 с. — Код доступа: <https://www.>

hse.ru/data/2010/05/05/1216435444/WP6_2003_06.pdf (22.11.2015)

16. Тарасова О. М. Проблема историзма в романтической эстетике (к вопросу о становлении французского романтизма) / О. М. Тарасова [Текст] // Альманах современной науки и образования. — Тамбов: Грамота, 2007. — С. 213-214.

17. Чамеев А. Рандеву с призраками (Предисловие) / Александр Чамеев [Текст] // Карета-призрак: Английские готические рассказы о привидениях / Пер. с англ. Л. Бриловой, М. Куренной, С. Сухарёва. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — С. 5-16.

18. Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки / Франсуа-Рене, виконт де Шатобриан [Текст]. Пер с фр. О. Э. Гринберг, В. А. Мильчиной; вступ. ст. и примечания В. А. Мильчиной. — М.: Издательство имени Сабашиных, 1995. — 736 с.

19. Morley J. Oliver Cromwell / John Morley [Text]. — New York: The Century Co., 1900. — 486 p.

20. Thilly F. Romanticism and Rationalism / Frank Thilly [Text] // The Philosophical review. — Vol. 22. — March, 1913. — № 2 (128). — P. 107-132.

21. Yeats W. B. The Celtic Twilight / William Butler Yeats [Text]. — London: A. H. Bullen, 1902. — 234 p.

Ковальська М. С. Історія як фантом: розвиток теорії та методології історії в добу романтизму. — Стаття.

Анотація. В даній статті розглянуто характерні риси, властиві теорії та методології історії доби романтизму. Розглядаються такі аспекти, як загальне уявлення романтиків про історію, теоретичні підходи до опрацювання історичного матеріалу, логіка викладення фактів, протиставлення Просвітництву, літературизації історії, поняття часу, смерті та їхнього подолання. Автор підкреслює специфіку бачення істориками-романтиками минулого та пропонує концептуальне визначення романтичної історії в якості фантому.

Ключові слова: романтизм, теорія історії, методологія, інтуїція, світобачення, минуле, XIX століття

Kovalska M. History as spectre; The evolution of theory and methodology of history in the Romantic era. — Article.

Summary. In the article characteristic features of European Romanticism in historical works of that time are studied. The attention is paid to the specific and unique theory of history and methods of historians of Romanticism, the variety is shown also. The author emphasizes the typical vision of history that was so popular among the historians of the epoch. Throughout the article the conceptual line is drawn by author to show the romantic perception of history as shadow and spectre.

Key words: Romanticism, theory, philosophy of history, methodology, intuition, perception of history, XIX century